Л.А.ШЕСТАК
(Волгоград)

ЖИВОТРЕПЕЩУЩЕЕ СЛОВО БЫТИЯ. (Рецензия на книгу: Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.).

Читатели лингвистической литературы получили новую интересную монографию Н.Ф. Алефиренко «“Живое” слово: проблемы функциональной лексикологии». Известный семиолог, фразеолог, лингвокультуролог и когнитивист представляет научной общественности интереснейший опыт интеграции современных подходов к номинативным средствам языка вторичного и производно-косвенного образования. Концепция «живого» слова строится по аналогии с «живым» знанием – выстроенным, добытым, осмысленным. «Живое» слово также аккумулирует в семантике взгляды, идеи и предпочтения своего творца – человека: «Живое слово не только обозначает предмет, но и выражает то или иное отношение к предмету» (с. 318). Это слово как часть события, фрейма (*война*), слово в ореоле переживания, слово как маркер системы приоритетов.

Концепция «живого» слова объединяет разные парадигмы языка. Это когнитивное описание слова и фразеологизма в качестве средства познания, ментальной схемы, прототипического значения и т.п.; функционирование в дискурсе; семиологический механизм установления сходств и различий между предметами; семантическое моделирование метафорическими средствами не только невидимых и неосязаемых, но и гипотетических понятий «возможных» миров.

Пять глав монографии посвящены рассмотрению когнитивно-семиологической природы «живого» слова; роли «живого» слова в познании мира; когнитивно-дискурсивной энергии «живого» слова; дискурсивному пространству, стилистике и жанровой характеристике «живого» слова; роли «живого» слова в языковой картине мира.

Эйдос слова, свет этимологии, внутренней формы, следы культурной эволюции автор демонстрирует на примере языковых знаков и их речевых реализаций разного типа: полисеманта с различными ЛСВ, метафор и метонимий, фразеологических единиц.

В качестве примера концептуальной эволюции Н.Ф. Алефиренко приводит слово *канон.* Восходящее к семитскому понятию ‘камыша, тростника’, греческое слово *канон* начинает употребляться в значении ‘прута, шеста’, сначала для опоры, а потом для измерения – ‘меры’ направления, потом ‘правила, нормы’, ‘образца’. Множественное число *канонес* означало ‘таблицы’ (математические, астрономические, хронологические) как сборники образцовых сочинений. Отсюда дальнейшее развитие слова *канон* как ‘нравственной и юридической нормы’, в христианстве – как ‘жанра церковной гимнографии’. В самом широком смысле *канон* – ‘опора для духовного восхождения и его спасительное направление’. В религиозном дискурсе *канон* – род духовной цензуры для икон, «“живая” память Церкви о виде́ниях и ви́дениях, соборное ее вдохновение» (с. 16–17). Мирское практическое значение слова «канон» – ‘образцы’ (*каноны мировой моды*), ‘требования’ (*каноны военного времени*), ‘признаки’ (*каноны жанра*). Так в слове, как солнце в капле росы (повторяющееся сравнение монографии), отражается движение человеческого познания от конкретного к абстрактному, векторы сакрализации и десакрализации понятий, оценки, мнения и предпочтения.

Рассуждая о метафоре как средстве и результате когниции, Н.Ф. Алефиренко уделяет особое внимание фундаментальным метафорам человечества, маркирующим переход социума от одной производственной парадигмы к другой: смена соматических метафор натурморфными и социоморфными, а затем, с Нового времени, – машинными, механистическими, включая последние по времени компьютерные и метафоры микромира: *внутренний дисплей человеческой души* (с. 205); *этимон – первое изображение на дисплее дискурсивно-когнитивного порождения слова и его значения* (с. 228); *на дисплее сознания, наносмыслы*

© Шестак Л.А., 2011

(с. 178); *наномасштабное множество, наносмысловое взаимодействие языка, познания и культуры* (с. 316).

Н.Ф. Алефиренко – основатель (или, по крайней мере, один из основателей) такого направления когнитивистики, как когнитивная фразеология. В связи с этим фраземы как таксоны культуры (выражение В.Н. Телия) – предмет его особого исследовательского внимания. Синергетика, взаимодействие когнитивных схем, метафорических фокусов, ментальных пропозиций, культурных норм и смыслов, этнического своеобразия и общечеловеческих универсалий венчают поиск имени ситуации (например, ‘удачи’и ‘удачливости’) отточенными формулами *птица счастья, синяя птица, золотая рыбка, родиться в рубашке, родиться с серебряной ложкой во рту, схватить Бога за бороду, весь мир в кармане* и т.д.

Сильной стороной книги является ее объяснительный, моделирующий характер. Это не просто размышления ученого, а схемы и модели кодирования действительности: реалия – факт (осмысленная реалия) – событие (аранжировка фактов) – пропозиция – семантические сети – картина мира – семантическое пространство языка (с. 61).

Книга «‘‘Живое” слово: проблемы функциональной лексикологии» будет весьма полезна и молодым исследователям. Н.Ф. Алефиренко в своем исследовании подробно останавливается на сложных вопросах разграничения традиционных и новых понятий лингвистики – концепта и значения, концепта и понятия, текста и дискурса, семантики, семиологии и семиотики, знания и факта, универсального предметного кода (Н.И.Жинкин) и предметного остова (объекта с моторной программой), концепта и ключевых слов и т.п. Автор оперирует не только привычным терминологическим инструментарием (концепт, дискурс, семема), но и более новым и редким (концепт как энграмма образного содержания, «не-события» пропозиции, т.е. обстоятельства и пресуппозиционный фон, топики концептосферы, сеть типовых пропозиций, двукратная репрезентация знаний, суппозиции (актуальное содержание) и пресуппозиции (общий опыт и фон), семиосфера сознания).

Сильной стороной работы является и широкий лингвистический фон исследования: мировые лингвистические школы, критический анализ трудов и концепций, аргументация собственной концепции и ее терминологического оформления. Временами позиция автора эксплицирована недостаточно. Так, на с. 7 утверждается, что вербальное значение первично, а предметное – вторично. Другими словами, денотат формируется после сигнификата? На с. 225 желателен пример к тезису «Оказавшись в позиции предиката, метонимия превращается в метафору». Думается, что высказанное на с. 42 утверждение «метода концептуального анализа… в строго терминологическом смысле пока не существует» – скорее, полемический ход, поскольку исследовательская практика уже дала когнитологам методики вычленения концепта в дискурсе и тексте (вспомним научные школы С.Г. Шулежковой, Ф.Ф. Фархутдиновой, В.И. Карасика и многих других исследователей).

Сама работа Н.Ф.Алефиренко также написана живым словом: автор стремится *отделить зерна* («семиологический креатив») *от плевел* («структурального догматизма»). Оживление этимона *текста* как ‘плетения’, античного фразеологизма *нити Парки* иллюстрируется текстом: *Меня вдруг покинуло чувство, что я сочиняю эту пьесу, веду на ниточках этих кукол. Пропала магия совпадений, чудесное ощущение нитей, которые ты перебираешь пальцами, прядя повествование* (Д. Рубина). Автор оживляет даже традиционный, еще со времен Аристотеля известный термин *метафора.* Состоящий из префикса *мета-* (‘над’, ‘вне’) и греческого корня *-фора-* (‘перенесение’, ‘множество’, ‘производство плодов’), он означает нечто ‘над процессом переноса’, ‘надмножество’, ‘надплодие’, акцентируя моделирующий потенциал метафоры как средства констатировать или приписать сходство, заставить думать и поступать как принято или наоборот – увидеть уникальное: *гуси, своим* ***узором*** *разделившие небо пополам* (В. Хлебников); *Месяц* ***рогом*** *облако* ***бодает****…* (С. Есенин).

Метафора дает человеку возможность говорить об одном, имея в виду нечто другое (с. 319), футуристический контекст позволяет высветить гипотетические объекты и свойства познаваемого, еще не выявленные в реальной жизни (с. 320). Однако важнейшее назначение живого слова – осветить первоначальным смыслом, исторической траекторией и человеческими эмоциями основные слова – концепты бытия: *Люблю обычные слова, как неизведанные страны. Они понятны лишь сперва, потом значенья их туманны. Их протирают, как стекло, и в этом наше ремесло* (Б.Самойлов). Таким поэтическим признанием в любви к профессии и заканчивается эта книга.